

18+

Анатолий Гололобов

Откровение

Анатолий Гололобов

Откровение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49602855

ISBN 9785005089380

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Этот рассказ был написан в том возрасте, когда я ещё не успел осознать, что розовые очки разбиваются стёклами во внутрь. Тем не менее, вернувшись к нему спустя годы, мне удалось в полной мере прочувствовать то, о чем раньше едва ли догадывался. Прежде всего, это история о Любви, точнее об извечном поиске любви в современном мире. Возможно, вы не найдете в ней желанных ответов, но вы точно найдете частичку себя в моей удивительной истории.

Содержание

Анатолий Гололобов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Откровение

Анатолий Гололобов

© Анатолий Гололобов, 2019

ISBN 978-5-0050-8938-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анатолий Гололобов

Откровение

Эта ночь значительно отличалась от предыдущих, с ней происходило что-то странное. Она как будто провела черту под его многовековой жизнью, словно точка невозврата пройдена и пути назад больше нет. Именно поэтому он не мог уснуть.

Как всегда, он вставал медленно, чтобы не разбудить тихий сон девушек после бурной ночи. На улице светлело, жизнь начинала кипеть. Он посмотрел на спящих рядом и о чем-то подумал. «Как же я устал жить вот так. Зачем все люди мечтают о бессмертии, не понимая, что это такое? Уже двадцать первый век на дворе, вскоре пройдет ещё больше времени и для них это будет целая история, а для меня всего лишь жалкий, короткий миг».

Его ранние мысли прервали звуки шагов в гостиной. Он знал, что к нему придет друг и знал, что сегодня тот самый день нового отчета.

– Как это нелепо показалось бы людям, сама Смерть приветствует Похоть в его же доме, – сказал посетитель.

– Нелепостью было бы и то, что у Похоти ещё есть и дом. Рад тебя видеть – ответил другой.

Пожав руки, они переглянулись. Первый был чуть вы-

ше, среднего роста, но и высоким его трудно было назвать, сильное лицо, синие глаза. Пусть ему больше миллиона лет, но с виду это молодой парень лет двадцати пяти. Хорошо сложенный, даже атлетический тип тела. Другой же чуть старше с лица, но не менее привлекательнее. Глупо было бы пытаться определить возраст самой Смерти, но с виду это мужчина лет на десять старше своего собеседника. Черные волосы, зеленые, спокойные глаза, резкие и мужественные скулы. Легкая бородка добавляла в образ нечто мудрое. Одет он был в длинное современное пальто, с четырьмя карманами, высоким воротником и большими пуговицами, которыми он редко пользовался, в чем они оба были похожи.

У смерти есть имя, но не то, которыми люди привыкли его называть: Анубис – египетский Бог подземного мира или же Аид, царивший над рекой Стикс из греческой мифологии. Он был и тем и другим одновременно, он просто Смерть, существует с тех пор, как на Земле появилась жизнь, а звали его Константин.

Он немного прошелся по дому. Это было большое здание, со старыми высокими колонами и просторными залами. На стенах висели картины Айвазовского и Леонардо да Винчи. Они добавляли древности к этой современной архитектуре. По общей картине все это напоминало готический стиль с длинными бардовыми занавесками, высокими окнами и большим количеством спален и комнат для гостей.

В то время как его друг, одевался, Константин подошел

к большому письменному столу и увидел стопку рукописей. Он издавна знал о тяге к поэзии и рассказах своего друга. Он пересмотрел пару листков, оценил красоту почерка, который выделялся сильным наклоном и явным вниманием к завиткам больших букв. Большинство произведений ему знакомы, так как он является первым критиком смертного греха, того самого, кто, рассказывая о своих ночных похождениях, переодевается уже немалый-таки срок.

Не могла не привлечь внимания одна рукопись, которую он увидел впервые: среднего размера, больше напоминающая личный дневник книга, называвшаяся «Откровение». Он уже был заинтересован, и начал открывать её в предвкушении очередного рассказа, но не успел перевернуть форзац, как её выхватил парень, чья сущность известна всем, а имя, к сожалению, даже ему незнакомо.

– Новая книга? Раньше ты посвящал меня во все свои новые идеи.

– Да, но это слишком личное. Она ещё не закончена, но можешь быть уверен, ты будешь первым, кто её прочтет.

– Я польщен. А как же имя автора?

– Хах, смешно. Я есть всё: глубинные желания человека, искушение, страсть, удовольствие, секс, разврат, прелюбодеяние и просто Похоть. Зачем кому-то знать моё имя, которого у меня между прочем нет?

Смерть не стала спорить с ним, он ещё раз осмотрел своего друга, который переодевшись, накинул на себя черное

пальто. Они вышли из дома и направились своим путем.

Шагая по улицам, они обсуждали последние новости мира, шутили на разные темы, осматривались на симпатичных молодых девиц. Константин всю дорогу сохранял спокойствие, но он искреннее смеялся и улыбался, сопровождая происходящее лишь мимикой лица, которое ещё было способно излучать подобное веселье. Руки его были в карманах, в отличие от парня, которому не находилось места, который шел рядом и казалось, наслаждался жизнью, которая, по его словам, была черна и скверна, но все так же хороша, если суметь её рассмотреть.

Позвольте внести немного ясности в свой рассказ, потому как не каждый сможет понять, о чем идёт речь. В моем произведении сливаются все религии, существа и мифологические создания воедино. Им властно место в образе обычных людей. Мы видим их как обыкновенных прохожих, даже не подозревая, что рядом с нами может пройти Тщеславие или Алчность в собственном облики. Это обыкновенный мир, где люди как люди, существует Бог, ангелы, Любовь, Голод, Смерть, Похоть, Гордыня – я лишь превратил их в материю человека, а в остальном, всё остается прежним.

Наши друзья прогуливались уже около часа. Они прошли Эмпаер Стейт Билдинг, Таймс сквер, зашли в метро, проехали несколько остановок. Всё это время, они обсуждали людей. Константин занимал позицию всепрощающего человека, будто он священнослужитель, принимающий че-

ловеческие ошибки как должное, а второй, шуточно обвиняя его в подобном, просто на просто говорил о людях, как о ничтожествах. Он приводил пример скромных и наоборот развратных девиц, которые в сущности являлись одним и тем же, но отличались лишь сдержанностью или же искренностью.

Он приравнивал ко одной ступени всех: бисексуалов, гомосексуалистов, педофилов, лесбиянок и обычных людей. У него не было для них меры наказания, ведь пошлые желания вышеперечисленных – это всё его рук дело, и он будто бы гордился тем, что в двадцать первом веке люди забыли о чувствах и поглощены развратом. Смерть понимая, что тот прав, не мог также радоваться, ему было жалко людей, а почему так происходит не мог объяснить, ведь даже ему не известен замысел Божий.

Наконец-то они прибыли в пункт назначения. Перед ними стоял огромный дворец, казавшийся людям обычным домом престарелых или же пансионатом. На самом деле это здание есть ничто иное, как пристанище всех созданных Богом существ. Оно было огромным, хоть и не выдавало своих размеров. Как в фильмах про Гарри Поттера, казалось бы, обычная палатка, а зайдешь внутрь и ты уже окружен неизмеренным пространством, наполненным книгами и картинами, музыкальными инструментами, по большей части древними, арфами и лирой, пианинном и скрипкой, а также и более современными.

– Очередное собрание падших ангелов. – саркастически сказал Безымянный.

– Твоя ирония сумеет любые постулаты опровергнуть. Всё так же считаешь, что Бог не любит всё, что создал? – мягким тоном ответил Константин, не раз слышавший подобные реплики.

– Да я его и Богом особо не считаю...

Видите ли, он не был любящим сыном. Да, разумеется, Бог есть Любовь, он любит всех и каждого и все мы равны, но наш герой отказывался это понимать, ибо был он слишком скептичен.

Войдя внутрь, они в очередной раз лицезрели красоту здания, украшенного по образу небесного рая и напоминающего интеллектуально-литературные салоны восемнадцатого столетия. Но все это казалось не столь увлекательным, по мнению одного из прибывших гостей. Пройдя большой холл, они оказались в комнате, своими масштабами напоминающую картинную галерею во Франции. Они увидели уже собравшихся гостей, которые только и ждали их прибытия. Здесь находились все смертные грехи: Алчность, Тщеславие, Голод, Гордыня, Уныние, Зависть и, конечно же, опоздавшая Похоть.

Описывать всех было бы глупо, потому как они представляют именно то, чем их называют. Кроме самого очевидного я, разумеется, не оставлю без внимания описание каждого, кто встретится с нами в этом рассказе. Скажу лишь вкратце,

что Голод, как вы успели, наверное, предположить, больших размеров мужчина, полное и весьма отвратительное существо, хотя и выглядело как обычный человек, страдающий булимией. Многие испытывали к нему жалость, но не наш парень, который, подойдя к нему, взял себе яблоко из его сумки, на что Голод, лишь улыбнулся. Он был слишком занят поеданием калорий, чтобы ещё насчет чего-то дерзить.

– Я бы не давала ему столь ценное для тебя угощение, братец, да ещё и после того, как он заставил нас ждать. – произнесла Лукреция, чьей сущностью, судя по вышесказанному была Алчность.

– Пунктуальность – вор времени. Рад тебя видеть сестрица, как дела в Англии? Неужели перевелись уже на свете бюрократы и азартные игроки, что ты почтила нас своим визитом?

– Никак нет, – кокетливо ответила Лукреция.

Одета она в старомодное платье, которые привыкли описывать в таких произведениях как «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, или же «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда – одного из самых любимых писателей Похоти, нашего ценителя красоты и мастерства слова, которого он процитировал выше. Но это лишь здешний наряд наших гостей. В повседневной жизни они и одеты были повседневно.

– Все дело в том, – продолжала она, – что я здесь лишь по приглашению нашего Отца, сразу же после этого вернусь туда, где никто кроме себя и денег вовсе ни о чем не думает.

Самое подходящее для меня место, но таких полно везде, так что здесь я задерживаться не собираюсь.

– Нашего Отца, угу, громко сказано, – с недоброжелательной улыбкой произнес писатель.

Тщеславие, ну тут, пожалуй, и говорить не о чем. Молодой парень, выскочка, который только и любит, что слушать о себе, о том, как красив и мужествен. На самом деле это лишь изначальное описание его характера. Все наши герои не столь коварны и беспомощны, какими мы привыкли о них думать. То, чем они являются – всего лишь роль, которую им поручили выполнять, что они и делают уже не одно тысячелетие. Поэтому, как и все, они весьма умны и, скажем так, привлекательны в чем-то. Естественно, они не сильно любимы смертными, но Отцовской любовью обделен никто из них не был, потому как Создатель сам пригласил их в этот мир.

Посмотрев на гостей можно сделать вывод, что собрался какой-то бал Сатаны, которого в моем рассказе вы, пожалуй, не встретите. Но все не так ужасно, потому как здесь присутствовал сам Бог, чей образ благороден и мудр, Любовь – дочь и создание нашего Творца, которой являлась молодая и, казалось, наивная девушка, лет двадцати с блондинистым цветом волос и несказанно красивым цветом глаз. Прощение и Раскаяние тоже присутствовали на «балу», а также просто парочка ангелов, которые выглядели служителями этого храма.

– Дети мои, – традиционно обратился ко всем присутству-

ющим Бог, – думаю, вам ясна причина, по которой я всех вас призвал. На дворе двадцать первый век. Люди, слабы, и невежественны. С каждым годом всё меньше и меньше верят в меня и вообще пристают к какой-нибудь религии. Они полны вами от края до края – в этот момент, казалось бы, каждый из грехов должен радоваться, якобы их работа выполняется хорошо, но они все надеялись на людей и жалели о их слабостях, так же, как и Создатель. – Они стали эгоистичны, – продолжал он, – никто не думает о ком-то кроме себя. А что уже говорить о Любви? Большинству нет дела до отношений, семьи, детей, романтики, никому это вовсе не нужно – белокурая Любовь с грустью наклонила голову, потому как ей эти факты страшнее смерти.

Похоть, которая по своему обычаю не поклонился Отцу, не поприветствовал его и остальных обычным знаком уважения, стоял и будто бы не причастен ко всему, не проявлял интереса к данной беседе. Только когда речь зашла о любви, он с лукавством посмотрел на неё и коварно улыбнулся, потому что никогда в неё не верил. Он стоял и молча ел зеленое яблоко, опираясь на колонну спиной, в то время, когда даже Голод оторвался от своего привычного занятия.

– Но как бы там не было, – сказал в заключении Вседержитель, – у людей ещё есть время. Я надеюсь, что все обрзумится, и я смогу принять их уже в скором времени. А вы, продолжайте делать то, чем и занимались: искушайте, обманывайте, заставляйте воровать, жадничать, обжираться, ле-

ниться, гордится, быть тщеславными и грешить – словом всё то, на что могут поддаваться лишь слабые. Сильных же, терзайте ещё больше... Ступайте в мир людей, но помните, что вам здесь всегда рады.

После почтенного поклона, Голод и Уныние исчезли сразу, Тщеславие полюбовался немного картинами и испарился вслед за предыдущими. Гордыня и Алчность, разговаривая между собой, пошли к выходу. Проходя мимо, нашего писателя он спросил у нее:

– Куда все-таки решила отправится на этот раз?

– В Европу, – с легкостью ответила Лукреция. – В одном из заведений Лондона, меня ждет отличная партия в покер.

И тут же она исчезла вместе с братом, как только они вышли за дверь. Константин направился к своему другу и тот начал уже собираться и был возле выхода, как вдруг:

– Сын мой, – окликнули его.

Резко остановившись в дверном проходе, Смерть и Похоть одновременно повернулись, уставившись на Господа.

– Да-да, – ответил писатель.

– Ты недоволен чем-то, тебя что-то гложет? Поговори со мной, я ведь вижу, что ты обеспокоен.

Агрессивно настроившись, наш парень улыбнулся и прикрыл дверь. Константин, догадавшись, что сейчас будет ссора придержал его рукой, но Отец показал, что не следует, в знак того, что он хочет выслушать своего обвинителя.

Похоть, получившая свободу действий, немного прошел-

ся по комнате, взглянул в глаза Любви и снова улыбнулся, словно призирая её в чем-то. После он взглянул на того, кто сидел в большом тронном зале на своём престоле, на виновника торжества и руководителя балом падших, каким видел его нелюбящий сын. Это был старый, но ещё явно в форме и не казавшийся старым, дедушка, которого ещё смело можно назвать дядей. Седой волос, зеленые глаза, морщинистое возле глаз лицо и всепрощающий, такой легкий и безмятежный, но в тоже время сильный и строгий взгляд. Могущее тело, скрытое под тканью одежды, всё же выдавало свою структуру. Константин, который по возрасту не на много уступал ему, привык называть его Кристо, что с латыни означало имя Господа. В повседневной жизни он придавал внимания строгим, деловым костюмам, которые подходили ему как никому другому, пусть он и редко гулял среди людей.

– Да, ты знаешь, у меня есть что спросить, – медленно начал безымянный. – Скажи мне, «всемогущий», к чему всё это торжество, к чему эти загадки и речи, какие-то там наставления, сожаления, констатирование и без того известных фактов на счет людей и их пороков, к чему всё это? – Ты ведь сам их создал, такими грязными и невежественными, слабыми, трусливыми, грешными, – это всё твоих рук дело. Ты можешь все изменить в одно мгновение, сразу всем всё простить и в царство небесное впустить. Но нет же, пусть мучаются. Пусть одни голодают, другие умирают, остальные

теряют близких, терзаются в агониях, убивают друг друга, бьют, насилуют, грабят, тонут в похоти и пребывают в алчности, гордятся и тщеславием болеют. Пусть смерть без конца и края забирает жизни людей, умерших от геноцидов и войн, болезней, страданий, катаклизмов, и просто из твоей прихоти. Пусть всё будет столь ужасным, да? Зачем все это, я не вижу смысла, открой мне, поведай мне истинную цель, так называемого Божьего замысла. Он вообще у тебя есть? Или же ты просто садист и у тебя скверное чувство юмора? – после такого динамического выступления, во всей «картинной галерее» наступила минута молчания.

В это время, Константин, хоть и понимал, что его брат вспыльчив и наивен, дерзок и невежественен, но сам не мог скрыть интереса в ответе, который вот-вот должен был предоставить ему Отец. Любовь, наблюдая за происходящим, была немного огорчена доводами Похоти, но по окончании его пламенной речи улыбнулась, всепонимающей и яркой улыбкой и взглянула ему в глаза, которые были наполнены агрессией, и в тот момент мимовольно избежали встречи с её взглядом.

Господь, немного помолчав, взглянул на своего сына. Ему было приятно, что его заботит подобное, пускай не из любви к людям или же из жалости к умершим, а просто из поиска истины. Он мог ответить ему сразу, прокомментировать каждый пункт обвинения, предоставить ответ на последующие вопросы, но он ограничился доброжелательной улыбкой

и лишь одним словом:

– Время – сказал он. – Время, сын мой. Пройдет немного времени, и ты все поймешь.

– Ты стар и жесток, к чему эта ухмылка, что ты пытаешься сказать? В том, что ты делаешь нет ни истины, ни мудрости, это лишь слова, которые людям не понять, не в двадцать первом веке и даже не в сотом.

– Помимо времени, тебе так же не хватает любви, настоящей, искренней, без сожалений и поиска недостатков, истины, ответов. Тебе не хватает любви к людям, животным, ко мне, к брату своему, к ближнему, ко всем деяниям людским и Божьим, тебе не хватает любви.

Сейчас искатель правды не мог скрыть разочарования, он так же не был доволен тем, что его обвинили в отсутствии любви к своему брату, ведь кому как не Константину он доверял больше любого другого создания. Потом он посмотрел на Любовь, на эту юную и очаровательную девушку, которая смотрела на него с явным желанием помочь, помочь обрести то, чего у него не было. Но все это, пожалуй, вызывало у него одну только жалость. Он свысока посмотрел на нее и сказал:

– Любовь – это иллюзия, придуманная самими людьми для прикрытия своей низости и пороков. Они просто прячутся за нее как за щит, будто они способны любить и им все должны прощать. Нет же, для них любовь – это инструмент, привычка. Да, бесспорно, все так друг другу навязывают счастье, все влюбляются, делают вид что счастливы,

а некоторые, тут даже я не отрицаю, и впрямь, счастливы, но на долго ли? Сколько длится эта влюбленность, это влечение? Месяц, два, полгода? А потом что? – Повседневность, пошлость. Потом Я берусь за них, и ни о чем кроме секса и разврата уже никто не думает. Муж хочет переспать с дочкой, жена изменяют ему с соседом, дочка же спит со всеми без перебора – вот он, результат вашей любви, пародия жалкая. Даже на предсмертном одре, мы все желаем лишь похоти. Умирая от рака, лысая и худая как скелет женщина, просит, чтобы с ней переспали напоследок. Умирающая жена, просит мужа о том же, когда он в свою очередь не думает о любви, а думает о том, будет ли секс на прощание или нет? Черт с ней, с вашей смертью, возможно я переборщил, но всё же, вышесказанное мной, ещё существовало ранее, а сейчас? – Сейчас вообще никто о тебе не думает, – он перевел взгляд на Любовь, – ты пытаешься спасти мир, святая наша и блаженная Любовь. Признай, ты просто бессильна. «Меняющая мир», – куда там! Ты даже влюбленного человека спасти не можешь, что уже говорить об разуверенных!

Он со злостью посмотрел на Бога, а потом перевел взгляд на неё, но это не было то зло, которое желают своему врагу слабые соперники. Эта злость была вызвана жадной справедливости и запалом речи. Он на самом деле не призывал любовь, не ненавидел её, ему она просто казалось бессильной и по-смешному безнадобной в этом мире. Хотя он каждый раз надеялся, что она все-таки сможет сотворить что-

нибудь с той или иной парой людей, которых брала под свое крыло.

– Ты многого не понимаешь, но поймешь, вскоре. Знай, я не держу на тебя зла за твои слова, они весьма логичны, и ты вправе их произносить... Ступай, отдохни и главное помни, всему свое время, – ответил ему Отец.

Недовольный результатом беседы он разочаровано взглянул на тех, кто стоял перед ним, и резко повернувшись, зашагал к выходу. Константин посмотрел на Господа, немного с жалостью за своего брата, потому как он хотел помочь ему, но не мог предоставить ответа, но также и с пониманием, и лишь кивнул головой, на что получил, сопровождающий рукой ответ и позволение уйти.

Когда он вышел, то еле успел заметить Похоть, которая вот-вот скроется за углом дома. Он шел быстрой и раздраженной походкой, руки у него в карманах, а на лице явное недовольство, вызванное не приносящей результатов беседой. Когда Смерть догнала его, то услышал, как тот приговаривал про себя:

– Старый кретин! Ты знаешь, – обратился к уже шедшему рядом другу, – мне порой кажется, что он сам запутался и не понимает, что вообще происходит.

– Это вряд ли так. Ты слишком вспыльчив. Я понимаю твою жажду найти ответ, но и ты должен понять, что найти его будет не так-то и просто, тем более, когда у тебя уйма вопросов.

– Да ну его, с его мудростью и учениями, не собираюсь я тратить на это время. Прошло более миллиона лет и ничего не поменялось. Люди какими были такими и остались, изменились только декорации. Забудем об этом, у меня ещё есть незаконченные дела, – с ехидной улыбкой произнес уже остывший после ссоры юноша.

Константин знал, о чем идет речь, он все-таки Похоть, которая гордится тем, кем является, хоть и испытывает отвращение к тем, кто ей поддается.

– Ты поможешь мне завтра? – Спросил идущего по проезжей части парня, Константин.

– Собрание душ? Нет, я, пожалуй, пас, не хочу выслушивать слащавые речи и слезы тех, кто прожил жалкую жизнь и ещё не хочет умирать.

Услышав подобный ответ, Смерть не удивилась, но была озадачена формулировкой ответа, потому как в сущности это звучало слишком жестоко и бесчувственно. Он хотел что-либо дополнить, но тот уже отдалился и через спину поднял руку, прощаясь с Константином.

Переходя дорогу и не обращая внимание на сигналы машин, которые то тормозили, то проносились прямо перед ним, он задумался о том, что произошло несколько минут назад. С озадаченным лицом прошел небольшое расстояние и завернул за угол. Знаете, это не был один из тех случаев, когда мы, поссорившись с кем-то, позже жалеем, о чем—нибудь сказанном, и не находя себе оправдания начинаем жа-

леть о содеянном. Нет же, в его мыслях он не жалел ни о чем и всё также считал себя правым во всех отношениях к этому делу.

Решив не придавать этому огромного значения, он дошел до места, которое сам любил называть «Дом сорванных масок». Это был не тот дом, в котором его застал Константин перед встречей с Богом. Это здание больше напоминало вечерний клуб или же бордель. Осмотрев фасад дома терпимости, он выдохнул и со страстным запалом вошел внутрь.

Вокруг него появились люди, которые тут, по его мнению, ими не являлись. Некоторые танцевали на шесте под страстную и пошлую музыку, не обязательно девушки. Одеты все были по-разному, кто в кожаном плотно облегающем костюме кошки, кто-то в костюме медсестры или же просто в костюме стриптизерши, которая продавая свое тело и показывая свою низость толпе, исполняла свой номер.

Мерцающие сине-красные лучи делали это место способным открыть человеческую сущность. Посетители же ограничивались лишь в возрасте – никому младше шестнадцати не разрешалось даже переступить порог и устраивать здесь празднование, потому как это место не было обыкновенным стриптиз баром. Похотливо улыбаясь, он взглянул на присутствующих в этом заведении людей. В его глазах они были смешны и убоги, слабы и немощны. Он искушал каждого, заставляя того или иного предаваться своим сексуальным утехам. Юноши и девушки, мужчины и женщины, старики

и молодые – ничего не имело значение здесь, потому как все превращались в животных, которые не стыдились своей сущности и поддавались природным инстинктам.

Он взглянул на мерзкого и отвратительного старика, профессией которого в реальной жизни являлась недвижимость, что требует общения с людьми, дисциплины, кокетства и хитрости, чтобы завладеть разумом покупателя. Тут же он был просто тварью, которую и человеком назвать трудно. Смеясь и целуясь направо и налево, он лапал молодую девицу, которая сидела на нем верхом, потакая всем его прихотям и получая от этого удовольствие, не желала останавливаться. Так же он не оставил без внимания девушек и парней склонных к однополым отношениям. Полураздетые и вспотевшие от возбуждения, они выглядели очень привлекательно, а в сущности, как вы сами можете себе представить, оказывались существами, которые не могли противиться своим тайным желаниям и искушениям.

Танцовщицы, которые отдавали себя без цены и перебора каждому, кто только пожелает ими завладеть, были очень сексуальны и горды, самоуверенны и высокомерными в будние дни. Здесь же язык их тела не мог скрывать желания утолить жажду проникновения чужой плоти и поддаться желаниям служить тому, кто прикажет ей исполнять свои прихоти. Воздух проникся сексом, атмосфера наполнилась развратом, звуки доносившихся стонов и криков из соседних комнат не могли не возбуждать невооруженный слух посетите-

лей. Он шел среди присутствующих и только усиливал желание всех быть теми, кем они являются – быть животными.

Он поднялся на второй этаж, который выглядел как длинный коридор с множеством дверей и тусклым светом оттенка бардового цвета. Сюда доносился шум музыки, звучащей на первом этаже и воздух обогащался всё теми же, отягощающими нашу душу извращениями, которые мы, в тайне от людей, хотим воплотить в жизнь, но которые даже нас порой ввергают в стыд. Он заходил в комнаты, оставаясь невидимым для посетителей и наблюдал за тем, как школьная учительница младших классов, безобидно улыбающаяся и создающая образ миленькой и скромной девушки во время работы с маленькими детьми, находилась во власти двух чернокожих парней, проникавшим в неё без пощады и уважения. В другой комнате, он видел, как девушки, забавляясь разными игрушками, служившими для удовлетворения полового влечения, целовались и поддавались слабостям человеческой души.

Секретарши, бизнесмены, учителя, водители, владельцы компаний, актеры, продавцы, библиотекари, молодые, старые, юные, – все присутствовали в этом здании, потому как всеми нами движет неутолимая жажда удовлетворения половой страсти в извращенной форме, в которой не каждый сам себе может признаться.

Он поднялся на самую крышу и сел на краю огромной высоты. Наблюдая за ночным городом, который ему казался

ещё темнее чем выглядел, он сидел там, в тишине и состоянии полной отчужденности, анализировал людей, их сущность, пороки и жизнь, которой сейчас он не мог наслаждаться, потому как не видел в ней правды, а лишь лицемерие и ложь, которая возникает даже между самыми близкими людьми.

Наблюдая картину оживленного города, который нарушал тишину своими бесконечными звуками машин и светом фонарей, он вспомнил о том, как на него взглянула Любовь, когда он не удержался и отвел взгляд. Почему так произошло? Ведь он не слабее её, он уверен в своей правоте и не чувствует себя побежденным. Что двигало его телом, когда он проявил подобную слабость и не смог выдержать на себе внимания двух очаровательных глаз? Он пытался найти причину в себе. Быть может он всё-таки ошибался? Может не увидел чего-то или же не смог понять? Что известно ей, и что она чувствовала такого, чего не чувствовал он? Улыбка... улыбка, которая, казалось доносится до самой души и прощала все твои нравы и принципы, не оставляла его сознание в покое.

– Нет, что это со мной? В мире нет любви, а если кто-то и внушил себе что влюблен, то вскоре же поймет, как заблуждался.

Он довольствовался доводами рассудка, логичными и реальными фактами, которые указывали на то, что человек не обладает таким чувством как Любовь. Он, любитель ли-

тературы и исследователь человеческих судеб не мог подобрать случая, в которых бы любовь владела человеком, настоящая, такая как описывают её непревзойденные мастера слова, с которыми он был знаком лично. Фильмы, романы, рассказы и легенды про великую и чистую любовь являются просто выдумкой кого-то.

– Единицы, – произнес он про себя, – лишь малая горстка людей, за миллион-то лет были способны на настоящую любовь. Но на примере двоих или же троих нельзя утверждать, что Любовь – самое сильное чувство.

Он не понимал этого. Спуститесь вниз и вы увидите нашу сущность. Вам это кажется мерзким? Вы бы никогда так не поступили или не опустились бы до такого, так вам кажется не так ли? Разумеется, никто не узнает правды, но не врите хоть сами себе, отрицая, что вам не хотелось бы утешить себя физическими слабостями нашего тела, влечением к чему-нибудь пошлomu и запретному, абсурдному и аморальному, возбуждающему наш мозг и усиливавшим все наши рефлексy и чувства действиями, которые выходят за рамки представления о человеке.

Пройдите по улицам своего города. Сказать вам что вы увидите? Вы увидите себя. Взгляните на прохожих. Одни торопятся на работу, которая как им кажется принесет им незабываемое богатство и успех, возможность купаться в деньгах и управлять людьми также, как ими управляют сейчас. Другие, которые уже добились успеха в финансовых де-

лах, не могут остановиться. Голод к деньгам делает их рабами собственного имущества. Мы все хотим славы, признания, нам важно, что о нас подумает общество, как воспримет. Мы тайно завидуем кинозвездам и певцам, желая быть на их месте и тем самым предаваться Тщеславию, которое в конце нашей жизни приведет к осознанию того, что никому кроме журналов и желтой прессы ты вообще не нужен, даже родственникам, которые в пиаре и твоём банковском счете нуждаются больше чем в тебе самом.

Цитируя про себя Бреда Пита из фильма «Бойцовский клуб» он согласился с тем, что люди работают в дерьме, чтобы купить дерьмо им ненужное. Мы думаем, что живем собственной жизнью, той, которую всегда хотели, но при смерти понимаем, что все это было лишь жалкое существование, а не жизнь. Он пытался найти оправдание Обжорству и Унынию людей, искал причины, по которым они завидуют и предаются во власть Гордыни. Но самое главное он пытался найти в этом мире Любовь, а не полную её противоположность и не шадящего всех и каждого – Похоть.

Терзая свой разум подобными мыслями, он не заметил, как прошел уже целый час времени, который ему казался минутой, потому как существовал он уже довольно-таки долго. Покончив с обременившими его голову мыслями, он спрыгнул с крыши, пролетев при этом расстояние не меньше двух десятков этажей, вложил ладони свои в карман, предварительно поправив капюшон своего пальто, и зашагал по про-

спекту к своему дому, где его ожидало проявление своей же сущности в лице самой Похоти.

Час спустя он уже находился в объятиях трех ангелов, которые, предаваясь весьма человеческим порокам, были полностью во власти страсти. Всё вокруг утратило смысл, ничего, кроме вздохов и стонов девушки, которая изгибаясь под ним, получала неземное наслаждение смертного рода удовольствий, не имело значения. Воздух сгустился, его зрачки расширились, пульс ускорился, он целовал одну девушку доставляя удовольствие другой. Он проникал в каждую из них, ощущая на себе плоть и жар женского тела. Чувствовал их желания. Прикасаясь губами к изгибам тела кучерявой девушки, которая изнемогая от наслаждения хотела раствориться в моменте, он сливался с ней, доставляя ей неземное удовольствие. Свет полнолунии, который просачивался через огромное окно в спальне, украшал его тело, которое с каждым прикосновением покрывалось царапинами и укусами. Он чувствовал себя человеком, который на его месте ощущал бы себя Богом.

На утро он проснулся от теплого прикосновения солнечных лучей, которые проникали в его спальню, для чего он специально оставлял открытым окно. Чувствуя на себе дыхание черноволосой красавицы, обладающей двумя белыми крыльями, он вспомнил о своих вчерашних мыслях про Любовь и о её маловероятности в этом мире. Он смотрел на одну девушку и переводил взгляд на другую. На лице у каждой

царила безмятежность, умиротворение и улыбка, которую он считал самым лучшим украшением человеческим и всё это помогло ему не думать о плохом. Он вставал аккуратно, стараясь не нарушить тот самый момент, в котором они ощущали подобные чувства.

Зная, что по возвращению его уже никто не встретит, он не стал запирать дверь в спальню и тревожить сон трёх ангелов, которые в эту минуту испытывали весьма человеческое счастье. Тот, кто так бережно пытается сохранить эти мгновения, сам не ощущал ничего подобного. У него были лишь знания литературы, многовековой период жизни и уважение к женщине и людскому счастью, которого, по его мнению, у них было немного. Он знал, что будь это просто люди, они бы проснулись и начали заново свои повседневные и рутинные обязанности. Не будет уже ни счастья, ни радости, лишь пустота, которая его терзает уже долгое время. Он взял свое пальто, одел поверх серой футболки и зашагал к выходу.

За дверью его встретило чудесное утро. Было ещё слишком рано для того, чтобы люди нарушили своей суетой красоту этого мира. Почувствовав дуновение ветра на своем лице, свежесть воздуха и теплоту солнца на руках, которые по привычке он спрятал в карман, Похоть перевела взгляд на ожидающего Константина, который, опираясь на машину, разделял с ним радость от наслаждения этим утром.

– Ты хоть когда-нибудь спишь?

– Мне это не нужно, я ведь не человек.

– А Смерть никогда не спит верно? – на что он получил ответ в виде улыбки.

Посмотрев на Константина, он понял, что его ожидает и на самом деле не был против. Константин же, в той же манере, что и его друг произнес:

– Да-да, собирание душ. Тех, кто прожил жалкую жизнь и ещё не хочет умирать.

После этих слов они посмотрели друг на друга, и погрузились в секундное молчание и сразу же нарушив его не громким смехом, который возникает между двумя друзьями, знающими друг друга уже очень давно, он ответил:

– Уговорил, идём.

Они прогуливались по набережной, слушали шум моря, бережного песка и звуки чаек, доносящихся с высоты и нарушающих тишину этого утра. Город мало-помалу начал оживать. Молодые парни и девушки выходили на утреннюю пробежку. Как и все они слушали в наушниках музыку, погружаясь при этом в собственный мир, забывая о реальном. На дорогах начали появляться машины, люди стали выходить из домов и направляться к всё тем же стоянкам, ожидая всё те же автобусы, которые, не меняя маршрута, каждый день показывают им одни и те же картины города. Они свернули с дороги, ведущей их прямо к рассвету, и направились к центру цивилизации, к современному многоэтажному муравейнику.

Погружаясь все глубже и глубже в город, они уже не слы-

шали тех звуков, той чарующей мелодии природы, лишь искусственно созданный человеком образ жизни. Пробки машин, светофоры, командуемые людьми как поводырь, шум открывающихся дверей магазинов, супермаркетов, зажигающийся свет рекламы на экранах мониторов размером с половину здания, шагающая безликая масса, которая то спускалась, то поднималась из метро – всё это заменило магию хорошо начинающегося дня.

– Люди. Я испытываю к ним жалость, – с отвращением произнес наш вспыльчивый герой.

– Я испытывал подобные чувства, – подловил Константин, – но все не так уж и плохо, если присмотреться.

– К чему? Ты посмотри на них, куда они идут, что ними движет, почему на лице лишь только уныние и грусть? Хочешь сказать, что кто-то из них счастлив?

– Я этого не утверждаю. Наблюдая ту же суету и серую картину, казалось бы, оживленного города, которую ты видишь, мне тоже не верилось, что это жизнь и что она прекрасна, как её описывают в поэзии и песнях. Но ведь они не все такие. Взгляни на него, – он указал глазами на одетого в строгий деловой костюм, мужчину, пытающегося скрыть излишек веса, за черным цветом. – Разве он выглядит озадаченным? – продолжала Смерть – Он с такой жизнью поедает свой завтрак за столиком в кафе, что произвольно создается впечатление, что ни работа, ни рутинная жизнь его не беспокоит.

– Ты говоришь об этом жирном мужике, который провел ночь с проституткой и чувствует голод после изнуряющих пятнадцати минут, проведенных с незнакомкой, имея при этом жену и двоих детей? – Да, я его вижу.

– Ты думаешь не о том, – улыбаясь ответил Константин, которому эти факты были известны. – Я говорю тебе о его состоянии сейчас. Да, это неправильно, да он грешен, но разве это не попытка вырваться из, как ты её называешь, серой безликой массы и этой повседневной жизни? Кажется, ему это удастся, он сейчас счастлив, пусть дома его ждет ссора и, по его мнению, обременяющие жизнь дети.

– Ну так избавь его от этого, пусть умрет счастливым, – с тем же отвращением к этому человеку, произнес обидчик.

Смерть, которая на удивление не обиделась, а улыбаясь ответила:

– Я не могу забирать всех, кого пожелаю, даже в тех случаях, когда человек действительно, казалось бы, заслуживает смерти.

– Все эти Его наставления и.т.д и.т.п – скучно и не логично. А теперь ты, взгляни на неё – на этот раз объектом их внимания стала молодая девушка. Одета молодёжно и со вкусом, хороша собой и улыбчивая она шагала по улице. – Красиво правда? Она улыбается, она красива и счастлива, у неё есть внешность, работа, дом. Но она придет вечером домой, возьмет на руки питомца, который скрашивает её одиночество и пробудет так все время до самого сна.

А на утро она будет опять защищаться улыбкой и делать вид, что у нее все хорошо. Вот такими короткими промежутками счастья, которых большинство вообще лишены, эти люди и живут. А теперь, возвращаясь к вчерашнему разговору, покажи мне человека, который полнится Любовью, но именно Любовью, а не влюбленностью.

Константин молчал. Не произнося ни слова он пальцем показал на юношу, который с букетом цветов стоял у больницы. Он был явно взволнован и ждал звонка, что трудно не заметить потому, как он теребит в руках телефон.

– Её девушка, вот-вот родит ребенка, – говорил Константин. – Он задержался, так как не успел купить цветы из-за того, что вчера вечером был занят покупками всех принадлежностей для малыша. Сегодня ночью он не спал. Ему запретили находиться в роддоме из-за какой-то проверки, поэтому он всю ночь провёл дома, где прождал в ожидании звонка. Казалось бы, ничего страшного, но представь себе, что он чувствовал: у его возлюбленной могут начаться схватки в любую минуту, ей будет очень больно, возможно врачи скажут, что есть какие-нибудь осложнения, возможно, – в этот момент он замолчал, опустив глаза вниз, – она умрет при родах, быть может, случится выкидыш и его при этом не будет рядом. Он не находил себе места, волновался, ходил, ждал, звонил, узнавал, выпил четыре чашки кофе, чтобы не пропустить звонка, который ещё неизвестно какие вести ему принесет. Всё это время, он думал лишь о ней и о их ребенке,

не жалея себя и предаваясь мучительным ожиданиям. Сейчас же, когда схватки уже начались и через минуту-другую на свет появится замечательное дитя, он перепутал остановки метро и вышел не на той улице.

– Это простительно, ведь он же не спал всю ночь, – произнес слушатель, который уже начал было верить, что Любви удастся создать чудесную парочку, и результатом этих трудов будет ребенок, только укрепивший их семью.

– В тебе что-то изменилось, – заметила Смерть.

– Я лишь увлечен беседой, не более того.

– Всё это прекрасно, и ты не меньше меня знаешь, каково это, когда ждешь чего-то, что должно принести тебе истинное и не поддельное счастье.

Его друг, улыбаясь, перевел взгляд с рассказчика на юношу, чтобы порадоваться, понаблюдать за этим мгновением в погоне за счастьем. Но вместо радости он вдруг побледнел:

– Я перестал видеть в нем жизнь... – с тревогой сказал наблюдатель.

– Поэтому мы и здесь, – тяжело сказал Константин и посмотрел Похоти прямо в глаза. Тот понимая к чему он ведет, резко перевел взгляд на будущего папу, которого в этот момент сбила машина.

Большинство машин остановились и лишь некоторые продолжили двигаться дальше. К месту происшествия сбегалась толпа людей, одни вызывали скорую, другие пытались помочь уже, к сожалению, покинувшему душой, телу.

Наш герой сидел, не понимая и не видя логики, во всем происходящем. Он был шокирован и даже немного парализован такой неожиданной сменой декораций. Константин положил руку ему на плечо:

– Идем, мы нужны ему.

Они шли между людьми и оставались невидимыми. Лишь один смог выделить их среди суетившийся толпы, тот, тело которого уже было холодным, а душа стояла над ним в непонимании. Молодой парень встретился взглядом с Константином и его путником и сразу понял, что произошло. На удивление Похоти, он не стал плакать и просить объяснения и просьбы вернуть его обратно.

– Что будет с моей любимой, как пройдут роды, ты знаешь это, прошу ответь мне?

Константин легким, но не лишенным жалости взглядом, посмотрел на тревожащегося за свою семью парня и жестом руки позвал его к себе. Его друг, по своему обычаю шел рядом, провожая освободившуюся, но ещё не покинувшую этот мир душу, не стал ничего говорить.

Через секунду они оказались совсем в другом помещении. По длине коридоров, в которых постоянно мерцает этот гнусный, давящий на психику свет, и по количеству палат, юноша понял, что они оказались в той самой больнице, где находится его, вот-вот родившая возлюбленная, ещё в предвкушении не наставшего счастья, за которым последует неизлечимое горе.

– Это здесь? – произнес обеспокоенный парень.

Константин не успел ответить, лишь улыбнулся, потому как этот вопрос сопровождался самым лучшим и искренним ответом – плачем ребенка, который только что появился на свет.

– И вы позволите мне его увидеть? – проговорил, любящий всей душой, отец этого малыша.

– Он ждет тебя.

Глаза ошарашенного такими словами парня, стоявшего около входа в палату, наполнились благодарностью несмотря на то, что благодарит он саму Смерть. Дрожащей рукой он приоткрыл дверь и замер от непередаваемой картины.

Плачущая от счастья, молодая черноволосая девушка держала в руках маленькое чудо, которое во всю, ещё несформировавшуюся глотку, дарило этому миру, пронзающие сердце плач и радость. Акушерки и врачи, принимавшие роды, вздохнули с облегчением и наблюдая за этим малышом, искренне радовались и не могли сдерживать улыбки. Застывший в дверном проходе посетитель, не сдержал слез, которые ручьями текли из его любящих глаз. Он смотрел на свою девушку, на своего ребенка и был счастлив, хоть и понимал, что уже не сможет быть рядом и не почувствует прикосновения малыша своими руками и нежности лица возлюбленной теплыми губами. Но в этот момент, будто читая его мысли, Константин произнес:

– Он видит вас... и чувствует тоже.

После этих слов, тот, кому они адресованы потерял дар речи. Не веря происходящему, он медленно подошел к своему ребенку и остановился, лицезрев всю красоту маленьких, до конца не открывшихся, карих глаз, которые, смотрели прямо на него, прямо в его сердце, понимая, что перед ним стоит его отец, его папа, тот, часть души которого, послужила для создания этого крохотного дитя. Малыш протянул свою ручку вверх и маленькими, не окрепшими пальчиками прикоснулся к его руке. В нем играло все волшебство и вся чистота жизни. Время, летевшее так быстро, остановилось, ничего не имело значение в этот момент, кроме прикосновения маленьких ручек и изо всех сил бьющегося сердца, которое трудно назвать мертвым.

– У них всё будет хорошо? – обеспокоено спросил юноша.

– Им будет трудно, и ей будет очень больно, но через время, всё наладится и у них обязательно всё будет отлично, не беспокойся, – доброжелательно ответил Константин.

– Спасибо.

Он перевел взгляд с него, на свою возлюбленную, которая, промучившись восемь часов, не могла поверить в чудо, лежащее на её руках. Медленно наклонившись он поцеловал её в щечку, пытаясь загладить и забрать с собой все страдания, которые её ждут. Застывши на мгновение, прикасаясь к её коже, она почувствовала, как кто-то, будто бы обнял её и подарил ей веру в то, что всё будет хорошо. После, он по-

целовал маленькую и нежную головку своего малыша, сказав ему быть сильным и защищать маму. Он в последний раз взглянул на них:

– Я люблю вас.

И в этот момент Константин даровал ему покой.

Выходя из палаты, он взглянул на дитя и его маму, которую впереди ждет нелегкое будущее и лишь улыбнулся, зная, что их всегда будет оберегать любящий муж и отец. Когда он закрыл за собой дверь, то заметил, стоявшего у входа, друга, который, не заходя внутрь, ощущал на себе всё, что там происходило. С необъяснимой грустью в глазах он сказал:

– Если это Его мудрость, то у людей просто нет шанса.

Он посмотрел на Константина, который увидел в нем страдание к этой семье, и быстро направился к выходу.

– Постой! – попытался остановить его Константин и отправился в след за ним. – Не спеши, погоди, ты ведь просто не понимаешь...

– Чего я не понимаю? Объясни мне, братец. За миллион лет, даже больше, этот юноша, был одним из немногих, которые любили, в котором я видел эту Любовь, а Он и его забрал, почему, скажи мне почему? – он уже начал кричать. – Почему какая-то скотина, которая насилует детей, убивает женщин, живет себе не зная суда, а нормальные, любящие семьи страдают по прихоти нашего садиста—создателя, ПОЧЕМУ??

– Я не могу тебе ответить, хотел бы, но не могу. Это кру-

говорот жизни, каждому уготовлено то, через что он непременно пройдет. Да, мы сами выбираем свою судьбу, свою дорогу, цель и ценности, но пути господни неисповедимы. Никто, включая меня, не знает, для чего всё это, как всё устроено, но я долго существую на этой земле и видел, что всё что он делает имеет свой смысл. Ничто не делается беспричинно, и только во имя добра и Любви, пускай мы не всегда понимаем и не видим этого.

– Так покажи мне его, покажи мне это добро, где оно? А я скажу тебе где оно – его нет! Как и Любви. Потому что она обречена на любое существование в этом мире.

Они погрузились в молчание. Константин пытался найти слова, которые сейчас были важнее всего, найти их, доказать и показать своему другу, что всё не так ужасно, как он видит, что всё имеет смысл, что всегда есть причина, следствие и вывод, но слов не было, не было так же, как и всегда, когда они необходимы. Похоть посмотрев на него понял, что этот спор ни к чему не приведет.

– Видимо ему плевать на человеческие жизни и на их счастье. Правильно. Зачем беспокоится о жизни одной пары, если их больше миллиарда на земле. Он не бережет их, так чего же мне волноваться? Я – Похоть. Моё дело искушать, а не чувствовать и беспокоится.

Взглянув вверх на больницу, из которой они вышли, он вспомнил ещё раз плач ребенка, слезы его матери и счастье, уже покинувшего этот мир отца. Он опустил глаза вниз,

улыбнулся и сделав глубокий выдох, отпустил всё что его беспокоит. Константин, понимая, что слова неуместны, подошел к нему, и они продолжили свой путь.

Шагая по обочине оживленного трафика машин, они пребывали в молчании, следили за людьми и думали о своём. Смерть, которая привыкла забирать жизни людей, будь они плохими или хорошими беспокоилась о том, что беспокоит идущего рядом парня, который, не предавая внимания происходящему вокруг, шел и только лишь смотрел на прохожих, вызывающих у него отвращение. Он видел все их недостатки, грехи, пороки, тайные желания, низость их душ, которую они скрывали за красивыми тканями брендовых фирм.

– Нам сюда, – произнес Константин, указывая на опустевший переулок между двумя многоэтажками.

Они зашли в него, не замечая грязи и отвратительного запаха мусорных баков. Вдруг они услышали шум драки, раздававшийся немного в стороне от них. С каждым шагом он становился всё громче и громче. Следом они услышали мольбу о пощаде и раздавшийся выстрел, за которым последовал звук бегущих им на встречу ног, стучающих по асфальту толстой подошвой своих ботинок.

– Неужели ещё один? – произнес путник Смерти. – Становится интересней.

Подойдя к телу, которое ещё оставалось на грани между жизнью и смертью они увидели парня, корчащегося от боли,

что доставляла ему застрявшая между ребер пуля. С виду это молодой парень, лет двадцати семи, пытающийся скрыть свою юность за длинной бородой как у реп исполнителей и татуировками, которые, по его мнению, придавали брутальности. Это был местный дилер, который отсидел в тюрьме за оплошность напарника, подставившего его. Неспособный звать на помощь, он осознал беспомощность ситуации, и на глазах начали появляться слезы, но уже в следующий миг всё замерло. Боль прошла, и он уже не лежал, а стоял над своим телом. Растерявшись и не понимая, что происходит, пострадавший оглянулся и увидел Константина и с неприязнью смотревшего на него парня.

– Кто вы? Что вы здесь делаете? – Затем он взглянул на своё тело. – Я что, умер?

– Нет, ты пока что ещё жив, – задорно ответил ему наш герой, – но надолго ли? Видишь ли, это Смерть, – указал он на Константина взглядом, – а я, друг мой, одна из немногих причин такого вот фатального исхода твоей жизни.

Он подошел к стене здания, оперся на неё, достал из кармана сигареты и подпалив одну, замолчал, пуская клубы дыма. Его трудно назвать зависимым фанатом сигарет, главной причиной почему он их курил являлось то, что он был одним из тех немногих людей, которым сигарета была к лицу, предавая им, как бы странно это не звучало, какой-то романтики.

– Чего же ты ждешь, Константин? Забирай его и пошли

отсюда.

– Забирай? – тревожно произнес пострадавший. – Что это, черт подери, значит? Я не хочу умирать, я ведь даже не пожил ещё, не успел сделать чего-нибудь стоящего в жизни.

– Ну вот, началось, – иронически сказала Похоть. – Ты умер не из-за желаний, а из-за дел своих, друг мой. Как видишь, Богу плевать на твои стремления и надежды, кажется вы люди называете это кармой. Ну так вот она, прими её с достоинством.

Константин стоял всё это время, не вмешиваясь в разговор, ему стало интересно к чему всё это приведет. Наблюдая за происходящим, он анализировал поведение своего друга и пристально следил за волей умирающего молодого человека.

– Неужели этим закончится? Неужели я к этому шел?

– Я не знаю к чему ты там шел. Мне известно, что ты толкал дурь, опиум, кокаин, продавал его всем, даже не подозревая, что они доходили до подростков, на которых тебе между прочем плевать.

В этот момент Себастьян, так звали дилера, поменялся в лице.

– Почему ты удивляешься? Хочешь сказать ты не снимал шлюх, делая с ними всё что захочешь, не бил детей и женщин, пытаясь спасти собственную шкуру от своих папиков. Хочешь сказать, что не принимал своей же дряни, которую ты продаешь?

– Да, но...

Осознав всю горечь своего положения, он упал на колени и взявшись за голову начал плакать, плакать так, как не подобает мужчине, который носит на своем теле около восьми татуировок и длинную бороду на лице. Константин улыбнулся, дождавшись этого момента. В эту минуту, Себастьян, достал из—под толстовки маленький, покрытый позолотой крестик и начал, что-то про себя говорить:

– О перестань. Ему, – указывая пальцем вверх, – на тебя глубоко наплевать, друг мой, можешь даже не стараться.

Проигнорировав подобное высказывание, превратившегося на момент в социопата, юношу, он произнес со слезами на глазах:

– Господи, я знаю, что недостойн жизни, потому как был продавцом смерти, потому что грешил против твоих заповедей и плевал на законы человеческие. Знаю, я её недостойн.

– Это верно.

– Я совершал ошибки и делал то, что делал, не оглядываясь на других. Я многое натворил, возможно у меня не было выбора или же я просто не видел тех шансов, которые ты мне посылал, тех самых, которые помогли бы изменить мне свою жизнь. Я был слеп, я не видел их. Я был трусом, боялся противостоять тем, кто мне угрожал, быть сильным, когда требовалось – всё что я делал, это всего лишь подстраивался под тяжести жизни, не пытаюсь что-то поменять. Я не прошу тебя подарить мне жизнь, я лишь прошу прощения, за всё

что сделал и за то, чего сделать не успел...

Докуривший свою сигарету парень, не был тронут исповедью и всё так же думал, что всё это бесполезно, потому как несколько минут назад он стал свидетелем казни прекрасной жизни, более достойной чем эта. Константин же, услышавший ожидаемое, улыбнулся и подошел к Себастьяну. Присев возле поникшего в землю молодого человека, он поднял его голову и посмотрел в залитые слезами раскаяния глаза, в которых не осталось надежды, лишь жалость за недостойную жизнь.

– А сейчас ступай и впредь будь сильным. Твои молитвы услышаны и последний шанс уже дарован, как ты ним распорядишься, решать тебе, – мягким тоном произнес он.

Не поверивший в услышанное он взглянул на Константина глазами, которые наполнились благодарностью и новым стремлением к жизни и, не успев поблагодарить его словами, он очнулся в своем теле, которое испытывало адскую боль, говорящую о том, что ты всё ещё жив. В этот же момент к нему подбежала девушка, услышавшая выстрел и предварительно вызвавшая полицию, за которой последовали санитары, которые уже через минуту доставили жертву с огнестрельным ранением в реанимацию.

Константин посмотрел на своего друга, стоящего у стены и смотревшего на него взглядом человека, которому было всё равно:

– Я даже не буду спрашивать, что это было. Пошло

оно всё!

Смерть не стала отвечать, лишь присоединилась к покидавшему это место молодому человеку, которому уже действительно стало безразлично на всю эту дилемму.

Около пятнадцати минут они шли, погрузившись в молчание, лишь изредка обмениваясь взглядами. Пройдя несколько кварталов, наши друзья свернули на дорогу, которая опять же ввела их в сторону моря. Наш литератор, был немного раздражен, как в принципе и все люди, пытающиеся сделать что-нибудь хорошее, но замечающие, как всё вокруг играет против их воли, не находя объяснения всему происходящему.

– Ещё кто-нибудь будет сегодня? – нарушив молчание, спросил он у Константина.

– Люди умирают каждый день, сотнями, тысячами. Но тебе, пожалуй, сегодня не придется быть свидетелем этих печальных событий.

– Да, ты прав, печальнее некуда, особенно, когда умирают все без разбору.

– Многие из тех, кто уже мертв достойны жизни, в тот момент, когда многие из живущих заслуживают смерти. Тебе, как писателю, должно быть это известно.

– Безусловно. Но мне не открыта причина, такой несправедливости. И видимо мне этого не понять, как и людям, – с иронической улыбкой произнесла Похоть.

– Все же просто...

– Не нужно, – перебил его друг. – Я не хочу больше об этом. Видимо есть какой-то смысл, какая-то причина просто она мне невидна. Спасибо за старания, за слова, но они мне не помогают. – Неожиданно он почувствовал, как кто-то дергает его за пальто.

– Дяденька, примите от меня этот цветочек пожалуйста, – раздался нежный голос.

Обернувшись, он увидел маленькую белокурую девочку с длинными кучерявыми волосами, которая держала в протянутой руке маленький цветочек. Она была настолько милой, что мир вокруг становился ярче от её улыбки.

Видите ли, как бы странно это не звучало, но герой этого рассказа очень сильно любил детей. Он считал их самыми искренними и жизнерадостными созданиями, которые по существу своему были наделены бескорыстной добротой и неизмеримой жадой к жизни, которая дарится ими всем, кто видит их. Дети – это маленькая частица Бога, та самая часть Любви, которая объединяет людей и дарит семьям и всем окружающим неподдельное счастье. Он любил их именно такими, маленькими, не успевшими созреть, детьми, которых ещё не успели испортить родители, навязывая им свои рамки и границы более взрослой жизни, убивая их веру в возможность всего невозможного и притупляя фантазию маленькой мечтательной души.

Он посмотрел в голубые как небо маленькие глаза этой девочки, которая смотрела на него пронзительно нежным

взглядом и забыл о том, что его так мучило до этого момента.

– Ух ты какая прелесть! – игриво произнес он, присаживаясь. – Неужели это мне?

– Да, я увидела вас идущим рядом с этим мистером, – указала она на Константина, – и вы показались мне таким грустным и невеселым, что я решила подарить вам цветочек. Надеюсь, он поднимет вам настроение.

– Спасибо большое, мне очень приятно. А смотри-ка что у меня есть, – интригуя маленькую девочку, произнес он, спрятав руки за спину. – Как ты думаешь, что у меня за спиной?

– У вас там ничего нет, вы меня обманываете.

– Ты так думаешь? Тогда скажи мне, маленькая принцесса, какой твой любимый сказочный герой?

– Единорог! – ответила она, подпрыгивая и хлопая в ладошки.

– Ммм прекрасное создание! А теперь закрой глазки.

И она, повинуясь прижмурилась, незаметно подглядывая одним глазом.

– Так нечестно, если ты будешь подсматривать, то у нас с тобой не получится волшебство.

Тут же она прикрыла глазки ладошками, в надежде, что не помешает ничему. В этот момент, он достал у себя из-за спины большую и мягкую игрушку единорога и преподнес её прям к личику нашей красавицы, дотронувшись до её головки рогом. Открыв глаза, девочка не поверила и от вос-

торга засмеялась таким искренним смехом, что окружающие их люди не могли его не услышать и улыбнуться от его звучания.

– Это мне? Правда? – скромно спросила она.

– Конечно тебе, забирай его скорее, а то он сейчас убежит, – улыбаясь ответил он.

Его синие глаза были наполнены не меньшей радостью и красотой, дополненной доброжелательной и непринужденной улыбкой, которую он не смог сдержать, как и Константин, стоявший рядом. Девочка взяла свой подарок и поставила его на землю, после чего подошла, к держащему в руке маленький одуванчик парню, и обняла его что есть силы за шею.

– Спасибо большое.

Он прижал её к себе и будто бы забыв обо всем, поцеловал её в нежную щечку, после чего она отошла, схватила своего, уже успевшего стать любимцем, единорога, и побежала в припрыжку в сторону лавочек, что стояли вдоль набережной.

Провожая её взглядом, он сказал Константину:

– Если же на свете и есть Добро и та Любовь, о которой все говорят, то они точно в детях. – Посмотрев на своего друга, он с усталостью дополнил – Мне нужно побыть одному, – и тут же испарился.

Константин взглянул вокруг и подумал про себя: «Не думал, что кто-нибудь из созданных тобой существ, Кристо,

сможет настолько близко уподобится людям. Трудно будет ему, очень трудно»

Наш писатель опять очутился на крыше здания, все того же города, в котором ничего не изменилось. Все те же люди, все те же лица, всё та же суэта. Только погода испортилась не на шутку. Надвинулись серые, угрожающие тучи, которые вот-вот сорвутся с небес густым, бесконечным ливнем, и смоют с лица унылого города, все его грехи и тайны. Но начало дождя лишь придало окраски и ещё большей грусти и без того опустевшему городу. Начиная промокать, он прижмурился в своем длинном пальто и зашагал к выходу.

Проходя мимо запотевшего окна, он остановился, потому что заметил, что кто-то, мило и нежно рисует пальцами на окне. Он подошел поближе, чтобы рассмотреть и увидел, как темноволосая, немного похожая на лисичку, очень и очень милостивая девушка, глаз которой он не смог рассмотреть, медленно и грациозно выводила указательным пальцем силуэт дерева на обрыве. Этот рисунок показался Похоти таким простым и наоборот приятным, что он представил себя находящимся в этом месте. И вдруг он почувствовал, что ему захотелось в нем остаться, но нечто большее возникло в нем, будто бы в этом месте, он не хотел быть один, думать о чем-то плохом и терзающем душу.

Он на мгновение отвлекся от всех своих мыслей и почувствовал, как дождь намочил его волосы, а тело стало немного дрожать от дождевой прохлады. Вдруг, девушка остано-

вилась. На лице воцарилась грусть, словно она растерялась и не знала, что дорисовать, а наш парень, заметив это, сам почувствовал, что чего-то не хватает. Он увидел, как девушка хотела уже стереть созданный ею кусочек рая однотонного цвета и резко остановил её, дотронувшись до стекла пальцем, с другой стороны окна, на которое он подышал, создавая место для искусства. Услышав это, девушка немного испугалась, но прислушиваясь ко всему происходящему она поняла, что кто-то решил внести свои изменения на рисунке, и очень мило улыбнулась.

Наш, несклонный к рисованию герой, выводил на стекле, перед деревом на обрыве, маленький уютный домик, который позволил бы ему остаться в нем, остаться в нем вместе с ней. Он дышал на окно и водил пальцами по стеклу так, что звуки разводов доносились в середину здания. После, внизу возле обрыва, он дорисовал море, бесконечное насколько это было возможно, но без волн. Тихая и бесшумная синеватого цвета пустыня не нарушала гармонию созданного ими края. Подловив ноту спокойствия своего неизвестного посетителя, она нарисовала солнышко, маленькое, но, казалось бы, горячее как огонь солнышко. После последнего лучика, картина была готова, дождь ещё не успел нарушить её своими стекавшими по окнам ручьями, которые словно наперегонки спускаются вниз и снова появляются вверху.

Девушка, сидевшая на подоконнике с внутренней стороны здания, встала на колени перед окном и приложила руки

к стеклу. В ответ, он присел, поравнявшись с ней, и очень медленно положил свои ладони на её, и наконец-то увидел глаза незнакомки. Их невозможно описать, таких слов просто ещё не придумали, ни в одном языке ни в одной стране не найдется чего-то красивее и поэтичнее чем её глаза. Они были большими и просто сияли невозможно голубым цветом небосвода, который во всей своей красоте уступал волшебству этих глаз. Никогда, за всю свою долгую жизнь он не видел ничего подобного, ему казалось, будто бы он смотрит в глубину райского озера, теплого-теплого, как ручей в течении Гольфстрим и такого же приятного, как прикосновение воды, после изнуренной работы.

Но таилось в этом взгляде и что-то странное, он был непостоянен и не мог найти своего наблюдателя, словно он скрытен от нее совсем. Но они оба чувствовали друг друга, непонятно как, ведь между ними стеклянный занавес. И вот наконец, она посмотрела на него, посмотрела прям в его синие глаза, которые ощутили неземную долю счастья, от прикосновения её взгляда. В этот момент изнутри здания раздался чей-то голос:

– Рита, идем, доктор уже пришел.

После чего она обернулась, одарила улыбкой таинственного незнакомца, и медленно пошла вдоль коридора.

– Рита... – произнес он про себя, убирая руки от окна. Он ещё раз взглянул на совместный рисунок двух, жаждущих покоя людей и, повернувшись к выходу, зашагал вдоль кры-

ши.

Шагая по улице, не чувствуя вовсе ни холода, ни прикосновения теплых капель он думал лишь об одном, он думал о ней. Всё куда-то исчезло, пропали тени, не стало проблем, на лице заиграла улыбка и такое, даже немного детское желание взмыть в воздух, зашагать быстрее, побежать, полететь, не чувствуя ни земного притяжения, лишь невесомость, невесомость, которую он ощущал в своих мыслях, находясь на крыше промокшего здания. В груди буйствовало землетрясение, сердце, казалось, выскочит сейчас из него. Тепло разносилось по коже, кровь текла по венам, он чувствовал все, абсолютно все изменения: пульс, давление, температуру. Он ощущал на себе неведомую до сей поры радость и в этот момент не было грусти, и не было утреших смертей, вчерашней печали, было только здесь и сейчас... и её глаза, чистые как небо, которые не покидали его до наступления темноты.

Вечером он сидел на подоконнике возле окна, наблюдая за тонувшем во мраке дождя городом, который иногда вспыхивал от света молнии и сильного шума грозы. Он держал в руках ту самую рукопись, которую заметил Константин – «Откровение». Он что-то писал в ней, то ли свои мысли, то ли переживания или же рассуждения всего дня, такого насыщенного как короткий, но емкий рассказ какого-нибудь старичка. По началу его голову терзали мысли о людях, про их ничтожное существование на Земле, про то как тщетно

бывает счастья и как жесток Создатель мира, потому как забирает у людей самое важное – жизнь, короткую, но прекрасную для некоторых жизнь. В особенности ему послужил пример, покинувшего сегодня этот мир молодого папы, жена которого должно быть узнала уже про смерть возлюбленного.

Что с ней сейчас происходит? Что может быть хуже, когда на кануне такого счастья ты получаешь ужаснейшее горе? Как же ему не вспомнить об искуплении, о втором шансе, который Константин подарил продавцу смерти, который сейчас должно быть лежит в больнице в раздумьях над жизнью, потому что в ней непременно нужно что-то менять. Но все это меркло с наступлением воспоминаний о девушке, которая создала в сердце у, казалось бы, бесчувственного парня, отказавшегося сегодня от ночных походов, маленький мир, из которого он теперь не хотел выбираться.

На следующее утро он проснулся от приятного аромата утреннего кофе и доносившихся из кухни звуков жаренных яиц. Вставая из кровати, которая, скажем так, отличалась наличием огромного количества подушек, он посмотрел в окно, за которым не было ни малейшего намека на вчерашний ливень. Нет же, как никогда раньше солнце осветило всю комнату, впуская свои лучи сквозь огромные окна просторной спальни. Похоть мысленно поприветствовала про себя солнце, новый день, новые ощущения и приятные воспоминания, которые только усиливались при виде весьма неповседневной суеты на дворе.

Выйдя на кухню в одних подштанниках, он увидел Константина, который умело управлялся со сковородой и лопаткой. На правом плече у него аккуратно свисало полотенце, как у всех умельцев кулинарного дела, а его волнистые волосы теперь были распушены. Остановившись в дверном проходе, Похоть взглядом встретил своего близкого друга, который в свою очередь, не отвлекаясь от своего дела произнес:

– Доброе утро, соня, так и всю жизнь проспять можно.

– Пускай так, главное, чтобы сны были приятными, – присаживаясь за стол, ответил хозяин дома.

На столе стояли пару стаканов с утренним, уличным кофе, которое так сильно любили наши приятели. Накрывая на стол, Константин сказал:

– Ты ведь говорил мне, что сны тебя давно уже не посещали. Так зачем же тратить время в пустую, валясь часами в постели, терзая мозг навязчивыми мыслями?

– Пожалуй дело в том, что снилось мне, как будто счастлив я и обрел покой, – словно стихами начала отвечать Похоть, – в чудесном месте без теней, на обрыве, возле моря, в маленьком и уютном доме. И одиночество, мой верный друг, в этом сне не было мне спутницей.

Внимательно слушая, Константин сам присел за стол, заинтересовавшись рассказом своего друга. Они оба приступили к скромной трапезе.

– Продолжай, не мучь меня догадками, что за гость тебя почтил во сне твоём?

– Настоящее чудо, я никогда не видел ничего прекрасней, – ответил наш писатель, – её глаза, улыбка, свет, её манеры и движения, – заметив, что Константину не совсем понятно он пояснил. – Со мной, в этом неизвестном, но как рай блаженном месте, я был с девушкой. Я помню лишь её глаза и имя, хотя это странно, ведь она не называла себя, а помню его, как будто слышал раньше.

– И как же звали твою, столь очаровательную гостью?

– Рита, – сказал он, – её звали Рита.

– Видимо она и правда была чудом, раз красивым, по твоим словам, глазам, соответствовало одно из самых красивых женских имен на Земле.

– Ты прав Константин, должно быть судьба надо мною потешается, если одарила девушку сею моим любимым цветом глаз и прекрасным именем.

– Но что случилось дальше? – улыбаясь спросила Смерть.

После этого вопроса, рассказчик побледнел в лице.

– Боль, – ответил он. – Так странно, да? В один момент я несказанно счастлив, но в то же время это счастье ускользает от меня, я не могу его удержать, девушка исчезает, и я просыпаюсь.

Не ожидав такого окончания, Смерть на мгновение остановилась. Похоть посмотрела на него и успокаивающим голосом произнесла:

– Успокойся Константин, это всего лишь сон, не более.

– Но до чего же приятный и в то же время тяжелый,

не так ли? – Уставив взгляд на своего собеседника, он будто бы согласился со сказанным выше. – Какие планы на сегодня? – меняя тему спросил Константин.

– Не знаю, начну, пожалуй, с яблока Эдема, а потом видно будет.

– Ты ведь знаешь, что Кристо надежно его охраняет?

– А ты ведь знаешь, что это только усиливает мое желание заполучить желанное.

– Ему это не понравится, – улыбаясь сказала Смерть.

– Он к этому привык уже, за миллион-то лет.

– Удачи тебе с этим.

Вставая из-за стола, Похоть подошел к раковине и начал мыть за собой посуду.

– Спасибо большое, завтрак вышел очень вкусным, в принципе, у тебя ведь по-другому не получается, – поблагодарил он за славный завтрак Константина.

– Не за что, – положив и свою тарелку, за которую взялась Похоть, ответила Смерть.

– А чем ты займешься?

– Поработаю в саду. У меня появились саженцы нового растения, нужно его посадить рядом с розами.

– Возможно, когда я помогу тебе, когда улажу свои дела с яблоком,

– В таком случае смотри не опаздывай!

И после этих слов Константин пошел переодеваться в более подходящую для садоводства одежду, а наш герой, кото-

рый быстро и умело помыл всю посуду, подумал про себя: «Что ж, пожалуй, начнем».

Мгновение спустя он находился на небесах, возле входа в то место, откуда по Библии и началось пребывание человека на Земле.

Трудно описать пространство всего сада, потому как его исполинские размеры кажутся бесконечными. Занимая огромное пространство, он больше напоминал зеленый дубовый лес, украшенный разнообразными цветами и крыльями ангелов, которые за ним ухаживали, поливая и насаживая новые растения. Солнце над ним освещало всю бесконечность этой природной пустыни, создающей иллюзию волн, шевелящихся от дуновения листьев. Пейзаж не мог не дарить гармонию и исцелять израненные депрессиями и тягостными мыслями души.

Ограждений не было, ни высоких заборов, ни каких-то барьеров и, как бы смешно это не звучало, но сад доступен не всем, поэтому его все-таки охраняли служители Бога. Но это никогда не останавливало, жаждущего заполучить запретный плод, непослушного сына, который, к сожалению, знал все лазейки и тайные проходы, а также, мог легко манипулировать охранниками, потому что некоторыми являлись женщины.

Наш герой не знал зачем ему это нужно, он просто брал то, что хотел, не слушая и не повинаясь правилам. Поэтому и на этот раз это не составило труда и буквально двадцать

минут спустя он уже находился в библиотеке подбрасывая в руках зеленое и сочное яблоко, держа ещё одно в руке.

Библиотека была скромной и не столь габаритной, как и всё, что касалось пребывания на небесах. Вся она уставлена полками и шкафами с книгами. Атмосфера создавалась уютная. От нее так и веяло спокойствием и отчужденностью от внешнего мира. Как обычно и бывает в библиотеках, которые привлекают читателя тайнами и мудростью наполнявших её пространство в виде букв на старых и немного отцветших страницах. Он прохаживался в зад и вперед, в поисках Пауло Коэльо, который ему был ближе всего по психологии и той морали, которая в свое время на него повлияла. В одной из комнат библиотеки он встретился с Отцом.

Заметив яблоко, которое он так пафосно подкидывал в руке, давая понять, что у него получилось, Кристо, в свою очередь лишь улыбнулся, как отец ребенка, что сделал в очередной раз что-то запрещенное, но не на зло кому-то, а просто из-за своей сущности, которую остается лишь принять такой какая она есть. Одет же он, как и говорилось раньше, в строгий деловой костюм, черного цвета и с галстуком, который аккуратно и не туго затянут на неширокой, но крепкой шее:

– Я так понял нужно улучшить охрану сада, – немного шутя произнес Бог.

– Мы ведь оба знаем, что кроме меня никто, даже Голод, не насмеливается в него входить, а меня твоя охрана не удержит, так что предлагаю её вообще убрать, а то это действи-

тельно глупо даже звучит, – немного самоуверенно произнесла Похоть.

В этот момент в комнату одновременно с разных дверей вошла Любовь, при виде которой, почитатель «Алхимика» отвел взгляд и проигнорировал её, и Гордыня, спорящая с ангелом нежного пола о Любви.

Любовь прошла немного вперед. Волосы у нее распущенные, волнистые, а глаза все так же сияют добротой. Увидев яблоко она удивленно, переводя взгляд с него на Кристо, спросила:

– Как ты смог...?

– Легко. – перебив её ответила Похоть, откусившая в этот момент вкуснейшее в мире Эдемское яблоко. – Я бы и тебя угостил, но ты ведь у нас паинька, не станешь его кушать. Хотя уверен тебе безумно хотелось бы, но Любовь ведь не поддается искушениям запретного не так ли?

– В любви есть искушения куда желаннее и приятней, чем просто плод из запретного царства, – немного поучая ответила Любовь

– К сожалению, мне этого никогда не узнать, – ответил он ей, листая одной рукой страницы лежавшего на письменном столе романа «Преступление и наказание».

– Поэтому ты не можешь найти ответов на все тревожащие тебя вопросы и не сможешь не полюбив по-настоящему, без слов, без прикосновений, полюбив душу того, кто в ответ полюбит твою, – пытаясь достучаться до прячущегося

за своей дерзостью парня, сказала она.

– Мою душу, да? – не отрывая глаз от книги, тихо сказал он.

После этого она посмотрела ему в глаза, которые были полны загадок и не избавлены страсти к жизни. Он же, заметив её взгляд, почувствовал, что она будто бы знает о его сне, знает, о девушке по имени Рита, которая с самого утра не покидает его сознание и которую он так бережно хранил в себе, скрывая её от остальных. Он снова почувствовал слабость перед её нежным, не таящем в себе злости, а наоборот полным понимания взглядом, который, казалось, видит его насквозь из-за чего он, не ответив, отошел к окну, пряча глаза в книгу.

Любовь провела его взглядом, не пытаясь чего-то дополнить, потому что её глаза сказали все за себя. Она подошла к Отцу и поприветствовала его ласковым объятием и милым поцелуем. После чего присела в красиво обрaмленном стуле, с высокой спинкой, который также стоял возле, освящающего эту комнату окна.

Каждый принялся листать книги или же просто погружаться в свои мысли, пропуская глазами написанное. Все, кроме Гордыни и девушки-ангела, с черным цветом волос, одежда которой так же умело сочеталась с цветом глаз и внешними данными, что создавала приятный образ, хорошего собеседника.

Гордыня же был одет в кожаную стильную куртку, темные

джинсы и белую футболку. Одного роста с Похотью, он лишь немного уступал ему в мускулатуре, но был также привлекателен, хотя не имел чего-то особенного во взгляде и не обладал особым обаянием. Они спорили между собой, как ни странно о Любви, казалось бы, самой маловероятной теме в наши дни, но судя по всему актуальной на данный момент.

Гордыня, по имени Прайд, само собой разумеется, утверждал, что всяческое проявление у мужчины любви изначально вызвано желанием переспать. Девушка же перечила ему, говоря, что настоящая Любовь возникает тогда, когда люди понимают, что нашли друг друга, даже не оценив внешние данные и не успев подумать о Похоти. Слушать их разговор оказалось весьма забавно, потому как оба из обсуждаемых ними представителей находились с ними в комнате, которых они изначально не заметили.

– Ты сама веришь в то, что говоришь? – иронически спросил Прайд.

– Безусловно, ведь люди влюбляются во внутренний мир, а не физическую оболочку – ответила ему Кристин.

В этот момент они оба заметили, что их разговор прекрасно слышали все, кто находился рядом. Немного испугавшись, а точнее удивившись, Кристин вежливо попросила прощения и поприветствовала присутствующих. Нарушив неловкое молчание, Похоть, отложила книгу и подходя к ним сказала:

– Ты не совсем права. Людям хотелось бы верить в то, что

так оно и есть, что любят их за внутренний мир, по большей части просто потому, что это поэтично звучит. Но истина в том, что влюбляемся мы глазами и лишь потом любим сердцем... если, конечно же, вообще любим – переводя взгляд на Любовь и Господа, добавил он.

Прайд, пожав ему руку сказал, что кому как не самой Похоти знать о перинных желаниях и мыслях человека при виде противоположного пола, что прозвучало весьма высокомерно, но подтверждалось улыбкой того, о ком шла речь.

– Если вы уже заговорили о сексе, – продолжила Кристин, – то я считаю, что это связь между людьми, вызвана искренними чувствами и желанием быть ближе.

– Безусловно, быть ближе! – насмешливо прокомментировал Прайд.

Посмотрев через плечо на Любовь и Бога, которые тоже слушали образовавшуюся дискуссию, но не принимали в ней участия, слегка улыбнувшись, Похоть добавила:

– Безусловно, секс – это искусство. Но вызвано оно не высшими чувствами, в которые ты так наивно веришь, а сущностью людей, которые слово «чувства» давно забыли. И нет в этом искусстве любви, есть только желание. Это простейший блуд. Ты говоришь, что это связь между людьми и так далее, но что ты скажешь о порно, о сексе на одну ночь, проституции, изнасиловании? – поверь мне, связь там только физическая. Так что, те романтические моменты в фильмах, которые сопровождаются красивой музыкой и медленными

съемками, далеко не часто совпадают с реальностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.